

Вопрос национального единства в современной России: возможен ли единый национальный миф?

Artem Barynkin, *Sankt Petersburg State University*
(*Sankt Petersburg, Russia*)

E-mail: avbarinkin@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0441-0686

Аннотация

Автор, исходя из концепции нации как воображаемого сообщества, разделяя существование научных концепций «этнических» и «гражданских» наций, рассматривает возможность создания единого национального мифа, который может стать важнейшим конструктом в формировании национального единства в многонациональной стране. На основе ряда законодательных инициатив, поправок к Конституции России 2020 года, с учетом отдельных аспектов исторической политики в России, автор приходит к выводу, что после 2014 года из-за украинского и сирийского кризисов, давления санкций США и Европейского Союза, политической конфронтации с Западом, российские власти стали ситуативно прибегать к мобилизации общественного мнения. Такая политика может дать результаты только в краткосрочной перспективе. Национальное единство, основанное на едином «национальном мифе», принимаемом большей частью российского общества, потребует более тщательной работы и деликатного включения в информационное пространство, а также в образовательные программы среднего и высшего образования.

Ключевые слова: Россия, национальный миф, историческая политика, Конституция.

The question of national unity in contemporary Russia: is a single national myth possible?

Abstract

The author, relying on the concept of nations as imagined communities, sharing the existence of the scientific concepts of "ethnic" and "civil" nations, considers the possibility of the emergence of a single national myth, which could become the most important construct in the formation of national unity in a multinational country. Based on various legislative initiatives, amendments to the Constitution of Russia, considering certain aspects of historical policy in Russia, the author concludes that after 2014, on the background of the Ukrainian crisis, the Syrian crisis, US and European Union's

sanctions pressure and political confrontation with the West, the Russian authorities situationally started the mobilisation of public opinion. This policy is capable of producing results only in the short term. Achievement of national unity based on the single national myth, acceptable for most of the Russian society, will require more thorough work and delicate inclusion in the information space, as well as in the educational programs of secondary and higher education.

Keywords: Russia, nation-building, historical policy, the Constitution

В современной многонациональной и многоконфессиональной Российской Федерации вопрос достижения национального единства на основе единой российской идентичности является одним из ключевых в общественной и политической жизни после 1991 года. Российское общество разделено в этно-культурном, религиозном и в имущественном отношении. „В Российской Федерации живет около 100 коренных народов, т.е. таких, чья основная этническая территория находится в России”, и „более 60 народов/этнических групп, основная масса соплеменников которых живет за пределами России” (Vogoyavlenskii 2019: p. 93). Большинство населения (66–69%) исповедует православие, 5–6% ислам, 6–9% являются внеконфессиональными верующими, 10–13% относят себя к атеистам (Mchedlova 2018: p. 163). Не менее контрастно представляется социально-экономическое положение россиян: по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата) за I квартал 2019 года число людей с доходами ниже прожиточного минимума в годовом выражении выросло до 20,9 млн. (*V Rossii...* 2019), при этом, по оценкам аналитиков Высшей школы экономики и Института исследований и экспертизы Внешэкономбанка, 3% самого обеспеченного населения России владеют (по данным на 2018 г.) 89% всех финансовых активов, 92% всех срочных вкладов и 89% всех наличных сбережений (*Vse...* 2019). Национальная консолидация в таких условиях представляется крайне затруднительной. В условиях политической нестабильности, усугубленной кризисными явлениями в экономике, такое положение дел всегда будет являться благодатной почвой для любого рода центробежных тенденций. Два крупнейших военных конфликта на Северном Кавказе в 1994–1996 и 1999–2000(2009)¹ гг., сепаратистские тенденции в Поволжье и Сибири как нельзя лучше иллюстрируют это.

Очевидно, причины тому крылись в новейшей истории страны. Вслед за отменой 6-ой статьи Конституции СССР 14 марта 1990 г., что предполагало уничтожение идеологической и политической монополии КПСС, и вслед за распадом самого советского государства, политическое и идеологическое изобилие стали реальностью. В новых постсоветских республиках официальный статус стали получать прежде подпольные организации, движения и партии.

Российская Федерация не стала в этом смысле исключением. Своё оформление получили откровенно праворадикальные, леворадикальные движения, появились совершенно экзотические для простого советского обывателя партии. В этом отношении весьма презентабельны выборы в Государственную Думу 1995 года. Тогда

¹ Активная фаза боевых действий во время второй чеченской войны закончилась 20 апреля 2000 г., режим КТО был снят только 16 апреля 2009 г.

свои депутатские портфели пытались получить представители таких партий как: «Дело Петра Первого», «Партия любителей пива», «Национально-республиканская партия России», «Женщины России» и др. Многих участников парламентской гонки того времени вряд ли возможно представить в сегодняшних российских политических реалиях. А некоторые, вероятно, могли бы даже оказаться вне закона.

Процесс, именуемый С. Хантингтоном консолидацией демократии, ставил новую власть перед сложнейшим вопросом: как следует поступить с представителями прежнего политического режима? Если в странах бывшего социалистического лагеря главным препятствием была всеобъемлющая практика сотрудничества со специальными службами, что также ложилось черным пятном на биографии политиков новой волны (Huntington 2003: p. 249), то в России борьба с политической оппозицией приняла особо ожесточенный характер и, в частности, подвигла президента Б.Н. Ельцина запретить Коммунистическую партию Советского Союза и Коммунистическую партию РСФСР. Кульминацией противостояния стали прогремевшие на весь мир события сентября–октября 1993 г.

Несмотря на то, что современная Российская Федерация в 2021 году будет праздновать свой 30-летний юбилей, лишь одна треть россиян (37%) убеждена в том, что имеет место быть единство народа (*Narodnoe edinstvo...* 2019). Данный факт отчетливо говорит о том, что, несмотря на стремительный рост информационных технологий и значительное покрытие страны сетью Интернет², вопрос формирования единого национального сознания, а вместе с ним и самой российской нации, остается крайне актуальным.

На фоне резкого обострения отношений с Западом в 2014 году, вызванного «украинским кризисом», а также в свете официального участия вооружённых сил Российской Федерации в боевых действиях в Сирии, вопрос национального единства получил особое звучание. Факты перехода российских граждан на украинскую сторону в ходе боевых действий на территории юго-востока Украины, вместе с единичными успехами вербовщиков запрещенного в РФ ИГИЛ в мусульманских регионах страны, становились дополнительными аргументами в пользу необходимости усиления консолидации и даже мобилизации российского общества перед лицом новых вызовов.

В результате «демонтажа» интернационального по своей сути конструкта «советского человека» образовался вакуум, заполнить который не удавалось за счет выработки какой-либо идеологии/стратегии по созданию единой национальной идентичности. Фигурировавший длительное время в российском политическом и научном дискурсе вопрос о т.н. «русской нации» не переходил в практическое измерение.

Помимо обозначенных в самом начале нашего исследования причин, стоит указать также на то, что сама данная тема хоть и не является табуированной, но её неаккуратное представление традиционно было сопряжено с обвинениями

² По состоянию на 2018 год «доля интернет-пользователей в России довольно высокая - 81% граждан с той или иной периодичностью пользуются интернетом. В том числе 65% выходят в сеть ежедневно, 14% - несколько раз в неделю или месяц и 2% - крайне редко» (*Prostory interneta...* 2018)

в шовинизме, воинствующем национализме, стремлении выделить особую роль в государственной жизни лишь одного народа и, наконец, в стремлении создать т.н. «этническую нацию», а не «гражданскую нацию».

31 октября 2016 г. в преддверии Дня народного единства президент В.В. Путин в ходе заседания Совета по межэтническим отношениям одобрил идею принятия закона о российской нации, а также поддержал идею о проведении Года единства российской нации. По его словам, "формирование российской идентичности — процесс сложный и небыстрый. Но, безусловно, он идет, и в последние годы достаточно активно идет. Восприятие гражданами себя как части России, повышение ответственности за свою страну становятся все более устойчивыми" (*Putin rasskazal...* 2016). Уже 3 ноября того же года Комитет по делам национальностей Государственной Думы начал разработку соответствующего закона о российской нации, в некотором смысле опережая научную дискуссию на этот счет.

Инициатива, поддержанная президентом и едва не получившая юридического оформления, в 2017 году была в значительной мере видоизменена. Закон «О единстве российской нации и управлении межэтническими отношениями» предполагалось переименовать. Как тогда заявил академик РАН В. Тишков: «Оказалось, что общество не очень подготовлено к восприятию такого понятия, как единая нация, объединяющая все национальности. Учитывая, что и президент предложил переложить стратегию госнацполитики на язык закона, мы решили изменить его название». Бывший министр по делам национальностей В. Зорин в качестве одного из рабочих названий предложил вариант закона „Об основах госнацполитики в РФ“ (*Edinstvo nacji...* 2017).

Данная инициатива, не получив своего оформления в первоначальном виде, косвенно напомнила о себе в июне 2020 года в ходе общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации. Пункт 1 статьи 68 Конституции РФ стал выглядеть следующим образом: "Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык **государствообразующего** [выделено автором–А.Б.] народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации" (*Novyy tekst...* 2020). Следует отметить, что в научной литературе значение печатного (кодифицированного) языка в процессе формирования современной нации хорошо изучено. В «Воображаемых сообществах» Б. Андерсона язык фигурирует как «способ воображения», опосредующим единение нации. По его мнению, "само соединение капитализма и техники книгопечатания [...] сделало возможной новую форму воображаемого сообщества, базисная морфология которого подготовила почву для современной нации" (Anderson 2001: p. 67).

Не менее важным элементом в практике нациостроительства является национально-государственный нарратив (национальный исторический миф), представленный в первую очередь в образовательной литературе. Курс национальной истории создает у молодого поколения совокупное представление об историческом прошлом страны, периодах национального подъема и неизбежных падениях, фиксирует роль (национального) государства во всеобщей мировой

истории, наделяет устойчивыми оценочными образами ближайших соседей, разделяя последних на союзников и «вековых» врагов.

Особое внимание на школьный курс истории обратил лично президент 25 апреля 2013 года в ходе «прямой линии». Тогда он сетовал на то, что в текущем году «в список рекомендованных учебников истории вошли 65 учебных пособий», а новые учебники должны были быть «построены в рамках единой концепции, в рамках логики непрерывной российской истории, взаимосвязи всех ее этапов, уважения ко всем страницам нашего прошлого» (*Prezident...* 2013). Данная задача была поручена Российскому Историческому Обществу, под патронажем которого разрабатывался т.н. историко-культурный стандарт. В соответствии с ним в 2015 году увидели свет три линейки школьных учебников по истории, выпускаемых тремя разными издательствами (*Istochnik...* 2015).

Несмотря на противоречивость исторической политики, продуцируемой российским политическим классом, в исторической памяти гетерогенного общества присутствуют такие элементы, которые не подвергаются тотальному забвению. Исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) отчетливо говорят, что за последние годы популярность Дня Победы (9 мая) неуклонно росла: если в 2010 году этот день в числе самых важных для себя праздников называли 38%, а в 2014 году – 53%, то в 2018 — уже 71% респондентов (*VCIOM...* 2018). Попытки внедрения новых праздничных дат вместо традиционных для советского общества праздников вряд ли увенчались успехом: с 2005 года 4 ноября в России отмечается День народного единства (в СССР праздничным днем было 7 ноября). По состоянию на 2018 год лишь „32% респондентов сообщили, что 4 ноября в России празднуют День народного единства (в 2017 году так ответили 12%)” (*VCIOM...* 2019). Сама дата праздника, оспариваемая в научных кругах, была связана с изгнанием польского гарнизона из Москвы в 1612 году.

В случае обращения к содержательной части национально-исторического нарратива, представленного в дидактической литературе, нас ожидают весьма противоречивые выводы. Так, например, школьный курс истории России начинается в средней школе в 6 классе. В учебнике Н. М. Арсентьева, А.А. Данилова и др., богатейшему периоду истории государств и народов, существовавших на территории РФ, отводятся частично первый и второй параграфы учебника (Arsent'ev, Danilov 2016: p. 3). В случае учебника И.Л. Андреева – первые три параграфа (авторы ведут повествование в т.ч. об истории и устройстве Волжской Булгарии, Хазарского каганата) (Andreev 2016: p. 239). Последующая структура учебников, по большей мере, посвящена исключительно истории политического единения восточнославянских племен, становлению и развитию Древней Руси и Московского княжества. Другими словами, - истории русского народа и его государства.

Если в случае ряда относительно этнически однородных государств Европы задача написания учебного пособия, полно отражающего национальный исторический нарратив представляется вполне реальной и привычной практикой, то написание учебника, который мог бы в пропорционально равном измерении описать

национальную (этническую?) историю каждого населяющего современную Россию народа, представляется утопией. Объем такого материала вряд ли сможет включить в себя образовательная программа средней школы. Закрывать эту брешь призваны курсы «истории родного края», носящие зачастую факультативный характер и не являющиеся обязательными в рамках программы единого государственного экзамена.

В таких условиях формирование российской идентичности стало возможным вокруг одного элемента – памяти о Великой Отечественной войне. Согласно данным ВЦИОМ за 2020 год, «абсолютное большинство россиян (95%) согласны с утверждением, что Победа в Великой Отечественной войне является главным событием XX века для России», а «почти три четверти россиян (73%) уверены, что Победу в Великой Отечественной войне нужно использовать для патриотического воспитания молодежи» (ВЦИОМ... 2020).

Память о ВОВ защищается на законодательном уровне (в первую очередь посредством Федерального закона от 2 декабря 2019 г. N 421-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»). В свою очередь, первые лица РФ никогда не остаются в стороне при попытках европейских политиков закрепить на законодательном уровне кардинально противоположные российским трактовки событий первой половины XX века.

Так, в 2019 году особое звучание в очередной раз принял вопрос об ответственности за начало войны. Европарламент принял 19 сентября того же года резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». В этом документе указывалось следующее: «...80 лет тому назад 23 августа 1939 г. Советский Союз и нацистская Германия подписали договор о ненападении, известный как пакт Риббентропа-Молотова, а также прикрепленный к нему секретный дополнительный протокол, по которому оба тоталитарных режима разделили Европу и территории независимых государств на свои сферы интересов, что способствовало началу Второй мировой войны» (Rezolucja... 2019). Следует полагать, что тональность резолюции вместе с доводами ее авторов поставили знак равенства между политикой Германии и Советского Союза накануне войны, разделяя ответственность за ее начало между Берлином и Москвой. В стороне не остался российский президент – главам стран СНГ им была прочитана лекция по истории международных отношений накануне Второй мировой войны, а также было представлено его видение роли и места польской дипломатии накануне сентября 1939 года (*Stawka Polshe chem zhyzn'* 2019).

Заключение

На основании изложенного выше, логичным было бы утверждение, что в отечественной практике оперирования прошлым доминирует некая единая стройная концепция. Однако, это не совсем так. Исследователи А. Ю. Бубнов и О.Ю. Малинова полагают, что в Российской Федерации с 1991 друг друга сменили два поколения подходов к интерпретации истории. Можно выделить условно «ельцинский»

период, характерной чертой которого был «пафос превосходства настоящего по отношению к прошлому», и условно «путинский», неотъемлемой чертой которого является попытка построения идентичности на основе «тотальной преемственности, в которой должны были соединиться и царские, и советские, и «демократические» ценности» (Bubnov 2017: p. 6; Malinova 2015: p. 70, 140).

Следовательно, российская историческая политика (в отличие, например, от польской исторической политики), институционально и концептуально оформлена крайне слабо. Сам термин был введен в научный и публицистический оборот только на рубеже 2000–2010-х годов (Bubnov 2017: p. 3). Более того, вслед за А.Ю. Бубновым отметим, что «позднее пробуждение исторической политики в России было связано с реактивным, оборонительным характером действий российских властей, вызванных ужесточением информационных войн и «войн памяти». Циклы российской исторической политики [...] были привязаны к внешней конфронтации» (Bubnov 2017: p.3). В таких условиях построение единого национального мифа, лишённого дихотомии, внутренних противоречий, способного отразить национальные нарративы большего числа народов и народностей современной России, становится практически невозможным. Волнообразная мобилизация общественных настроений в условиях активизации внешней политики и конфронтации с Западом (в процессе чего отдельные элементы истории Российской империи или истории Советского Союза обслуживают сиюминутные политические запросы) может привести к крайне неоднозначным последствиям. Среди них наиболее угрожающим представляется подмена содержания понятия гражданской нации («россияне») содержанием понятия этнической нации («русские»). Данная практика, не будучи планомерной и выверенной широким кругом представителей научного сообщества, способна дать результат лишь в краткосрочной перспективе. Достижение национального единства, основанного в т.ч. на едином национальном мифе, принимаемом большей частью российского общества, потребует более основательной работы и деликатного (не адаптивного) включения в информационное пространство, а также в образовательные программы средней и высшей школы.

Артем Барынкин – кандидат исторических наук, работает на факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Сфера научных интересов: новейшая история славянских государств, российско-польские отношения, политическая история России и Польши, историческая политика.

Artem Barynkin – Ph.D. in history, working at the Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University (Russia). Research interests: contemporary history of Slavic states, Russian-Polish relations, political history of Russia and Poland, historical politics.

➔ References:

ANDERSON Benedict (2001), *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniâ ob istokakh i rasprostraneniî nacionalizma*, Moskva

- ANDREEV Igor L. (2016), *Istoriâ Rossii s drevneishikh vremion do XVI v.*, Uchebnik. 6 klass, Moskva.
- ARSENT'EV Nikolay M., DANILOV Aleksandr A., STEFANOVICH Petr S., TOKAREVA Aleksandra Ju. (2016), *Istoriâ Rossii*. 6 klass. Uchebnik dlâ obshcheobrazovatel'nykh organizatsii. Chast' 1, Moskva.
- BOGOYAVLENSKII Dmitriy D. (2019), *Etnicheskii sostav naseleniâ i vladenie âzykami. Naselenie Rossii 2010-2011*, Moskva
- BUBNOV Aleksandr Ju. (2017), *Istoricheskaâ politika i bor'ba interpretacii kollektivnogo proshlogo v publichnoï sfere*, „Izvestiâ Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki”, no. 4;
- EDINSTVO NACII ne vyderzhalo kritiki (2017), Gazeta „Kommersant”, no. 39, 07.03.2017.
- HUNTINGTON Samuel (2003), *Tretiyâ volna demokratizatsii v kontse XX veka*, Moskva.
- ISTOCHNIK: Minobr nauki utverdilo tri lineiki uchebnikov po istorii dlâ shkol (2015), TASS, <https://tass.ru/obschestvo/1971333> (15.05.2015)
- MALINOVA Olga Ju. (2015), *Aktual'noe proshloe: simvolicheskââ politika vlastvuiushchei elity i dilemmy identichnosti*, Moskva.
- MCHEDLOVA Maria M. (2018), *Religioznaâ situatsiâ v Rossii i ee regionakh*, in: V.A. Tishkov, V.V. Stepanov (eds), *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii*, Moskva.
- NARODNOE EDINSTVO: mechta ili realnost' (2020), <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9978> (10.03.2021)
- NOVYY TEKST Konstitucii RF s popravkami (2020), <http://duma.gov.ru/news/48953/> (03.07.2020)
- PREZIDENT: Uchebniki istorii dolzhny imet' edinuiu koncepciu. „Rossiiskaâ gazeta”, 25.04.2013.
- PROSTORY INTERNETA: dlâ raboty ili razvlechenii? (2018), <https://wciom.ru/analytical-reviews/anali-ticheskii-obzor/prostory-interneta-dlya-raboty-ili-razvlechenij> (20.09.2018)
- PUTIN RASSKAZAL, chto neobkhodimo dlâ formirovaniâ rossiiskoi identichnosti (2016), „RIA Novosti”, <https://ria.ru/20161031/1480385683.html?in=t> (31.10.2016)
- REZOLUCJA Parlamentu Europejskiego z dnia 19 wrzeœnia 2019 r. w sprawie znaczenia europejskiej pamieci historycznej dla przyszloœci Europy, http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_PL.html (10.03.2021)
- STAVKA POLSHE CHEM ZHYZN' (2019), Gazeta „Kommersant”, no. 236/П, 23.12.2019.
- VCIOM vyâsnil, skolko rossiân primut uchastie v torzhestvakh ko Dniu Pobedy (2018), „RIA Novosti”, <https://ria.ru/20180508/1520103186.html> (08.05.2018)
- VCIOM: 32% rossiân znaet, chto 4 noâbrâ otmechaetsâ Den' narodnogo edinstva (2019), „RIA Novosti”, <https://ria.ru/20191031/1560421951.html> (31.10.2019)
- VCIOM: rossiâne nazvali Pobedu v Velikoï Otechestvennoï voine glavnyim sobytiem XX veka (2020), TASS, <https://tass.ru/obschestvo/8795101> (23.06.2020)
- VSE, kto nazhil neposilnym trudom (2019), Gazeta „Kommersant”, no. 65, 12.04.2019.
- V ROSSII stalo bolshe bednykh (2019), Gazeta „Vedomosti”, 29.07.2019.